

ТОТ, КТО ВИДИТ ПРОВОДА

ЛИНА КЛЕХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Клех

Тот, кто видит провода

«Автор»

2026

Клех Л.

Тот, кто видит провода / Л. Клех — «Автор», 2026

Владимир — электрик на башенных кранах: 120 метров над землёй — его рутина. Но однажды он замечает светящиеся нити, невидимые другим, — они опутывают город. Прикоснувшись к одной, Вова запускает трещину в реальности: время идёт петлями, безликие незнакомцы начинают охоту, а кошмары оставляют следы на теле. Кира раскрывает правду: мир — симуляция, люди спят в капсулах, а провода — структура тюрьмы. Единственный выход — глубокий сон, где обитает Страж: он принимает форму человеческих кошмаров и убивает. Чтобы освободить человечество, Стража надо уничтожить одновременно в двух мирах — в кошмаре и на станции, где скрыта его физическая форма. Но кто-то должен стать вечным якорем между реальностями И Кира уже сделала выбор.

Ли́на Кле́х

Тот, кто видит провода

Эпиграф

*Посвящается С. В. А. — человеку, который первым показал мне, что за каждым проводом скрывается смысл, а за каждой тьмой — свет, который нужно лишь найти
Ты знаешь, о ком речь*

*В любой схеме есть один-единственный контакт, разорвав который, ты погасишь всё.
Вопрос не в том, найдёшь ли ты его. Вопрос в том — посмеешь ли разорвать.*

ПРОЛОГ. СОН ИЛИ ЯВЬ

Я падаю.

Ветер рвёт одежду, бьёт в лицо, выворачивает лёгкие. Внизу — бетон, асфальт, крыши машин. Сто двадцать метров. Может, сто тридцать. Достаточно, чтобы превратиться в мокрое пятно.

Я пытаюсь кричать, но звука нет. Только свист ветра и глухой гул, как будто город внизу дышит.

Это сон. Должен быть сон.

Но страх слишком настоящий. Сердце колотится так, что готово выскочить из груди. Руки судорожно хватают воздух, ищут опору, которой нет.

Проснись. Проснись, блядь!

Земля приближается. Я вижу трещины в асфальте, ржавчину на крышах, даже окурок, застрявший между плитами. Секунда. Две.

И тут я замечаю провода.

Они появляются из ниоткуда — светящиеся нити, протянутые в воздухе. Сотни, тысячи. Пульсирующие холодным синим светом. Они опутывают здания, машины, столбы. Соединяют всё в огромную сеть, дрожащую и живую.

Один провод тянется прямо ко мне.

Я вижу, как он змеится в воздухе, изгибается, приближается. И в последний момент — касается моей груди.

Боль.

Электрический разряд пронзает тело. Мышцы сводит судорогой. Я выгибаюсь в воздухе, рот распаивается в беззвучном крике. Провод впивается глубже, прорастает сквозь кожу, рёбра, тянется к сердцу.

И вдруг падение останавливается.

Я завис в метре от земли. Провод держит меня, как марионетку. Пульсирует. Дёргает. Я пытаюсь пошевелиться — не могу. Пытаюсь дышать — воздух не идёт.

Тогда я слышу голос.

Он исходит отовсюду и ниоткуда. Низкий, скрипучий, как трение металла о металл.

— Ты... видишь...

Я не понимаю. Вокруг темнеет. Провода вспыхивают ярче, их свет режет глаза. Город размывается, здания плывут, как отражения в воде.

— Ты не должен... видеть...

И тут я замечаю тень.

Она движется между проводов. Огромная. Бесформенная. У неё нет лица, но я чувствую взгляд — тяжёлый, давящий, пронизывающий насквозь.

Тысячи глаз.

Они открываются один за другим по всему телу тени. Жёлтые, с вертикальными лучами. Смотрят на меня. Только на меня.

Провода вокруг начинают гореть. Синий свет превращается в красный, потом в чёрный. Тень приближается.

— Ты... пробудишься... и умрёшь...

Голос громче. Провод, вонзённый в грудь, дёргает меня вверх, в небо. Я взлетаю, город превращается в игрушечный, тень тянется следом — длинная, извивающаяся, с щупальцами из горящих проводов.

Она хватается за меня.

Боль. Холод. Запах гари и чего-то мёртвого. Я чувствую, как щупальца обвивают шею, руки, ноги. Сжимаются. Тысячи глаз смотрят в упор, и в каждом я вижу себя — падающего, кричащего, умирающего.

— Останься... спи... забудь...

Нет.

Откуда-то из глубины поднимается ярость. Я не знаю, откуда она, но она горит сильнее любого страха. Я сжимаю кулак — и хватаю провод, впившийся в грудь.

Разряд пронзает меня снова. Но на этот раз я не отпускаю.

Я тяну.

Провод начинает трещать, искрить. Свет вокруг мигает, реальность дрожит. Тень отшатывается, её глаза распахиваются шире.

— НЕТ.

Я рву провод.

Вспышка.

Взрыв света.

Звук, как будто рвётся ткань мира.

И я падаю снова. Но теперь падаю не вниз — вверх. В темноту. В пустоту. В ничто.

Последнее, что я слышу:

— Мы найдём тебя...

Я просыпаюсь.

Рывком. С криком, который застревает в горле. Сердце колотится, словно пыталось вырваться наружу. Простыни мокрые от пота. Руки трясутся.

Сон. Просто сон.

Я хватаю воздух, пытаюсь успокоиться. Смотрю на будильник: 5:47. За окном ещё темно. Город спит.

Я провожу рукой по лицу — липкое, холодное. Пытаюсь встать, но что-то тянет.

Смотрю вниз.

На груди — ожог.

Тонкая линия, красная и вздувшаяся, как будто меня ударило током. Она идёт от ключицы к сердцу. Именно там, где в кошмаре был провод.

Я касаюсь её. Боль. Острая, жгучая.

Это невозможно.

Я встаю, подхожу к зеркалу. Ожог чёткий, свежий. Кожа вокруг воспалена. Такое не снится.

Руки снова трясутся. Я смотрю на своё отражение — бледное, с тёмными кругами под глазами, испуганное.

И вдруг замечаю движение за спиной.

В зеркале, в углу комнаты, где должна быть только тень от шкафа — *что-то шевелится.*

Я резко оборачиваюсь.

Ничего.

Пустая комната. Шкаф. Стул. Куртка на спинке.

Я смотрю снова в зеркало.

Тень в углу смотрит на меня.

Сотни жёлтых глаз.

И тут гаснет свет.

ГЛАВА 1 ВЫСОКОВОЛЬТНОЕ УТРО

Свет вернулся через три секунды.

Три долбанные секунды, в течение которых я стоял посреди комнаты с колотящимся сердцем и смотрел в темноту, где только что видел **это**.

Щёлк — и лампочка снова загорелась. Угол пустой. Никаких теней. Никаких глаз. Только старый шкаф и куртка на стуле.

Я выдохнул. Руки всё ещё тряслись.

Электричество. Просто скачок напряжения. Старая проводка.

Да. Логично. Я же электрик, я должен это понимать. В этом доме проводка ещё с девяностых, удивительно, что он вообще не сгорел. Скачки напряжения — обычное дело.

И ожог на груди?

Я снова посмотрел вниз. Красная линия всё ещё была там. Я провёл пальцами — кожа горячая, вздувшаяся. Настоящий ожог.

— Статическое электричество, — пробормотал я вслух, просто чтобы услышать свой голос. — Зимой бывает. Одеяло синтетическое, искра...

Врал я сам себе, и знал это. Статика не оставляет таких следов. И уж точно не повторяет точную форму провода из кошмара.

Телефон на тумбочке завибрировал. Сообщение от Серёги:

«Вов, ты живой? Сегодня Северная, объект на Магистральной. Выезжаю в 7. Подберу?»

Я глянул на часы: 6:02. Нужно было собираться. Работа не ждёт, а мне нужны деньги. Через неделю квартплата, плюс надо бы матери на лекарства скинуть.

Обычный день. Всё нормально.

Я написал Серёге:

«Живой. Подбирай у метро в 7:20».

Сунул телефон в карман, натянул рабочие джинсы и толстовку. Ожог на груди саднил при каждом движении, но я постарался не думать об этом. Умылся ледяной водой — горячее не было, бойлер опять сдох — и вышел из квартиры.

Подъезд встретил запахом мочи и сигарет. Лифт, как обычно, не работал. Девять этажей вниз по лестнице с облезлой краской и граффити на стенах.

На четвёртом этаже я наткнулся на соседку — тётю Свету, лет пятидесяти, вечно в засаленном халате.

— Вова, — она схватила меня за рукав, — ты же электрик? У меня розетка искрит, посмотришь?

— После работы, тетё Свет. Сейчас некогда.

— Ой, да быстренько! Я боюсь, вдруг пожар...

Я вздохнул.

— Вечером зайду. Обещаю.

Она отпустила меня с недовольным видом. Я продолжил спуск.

Обычный день.

На улице было холодно — ноябрь, почти зима. Серое небо, ветер, первый снег на асфальте. Я закурил по дороге к метро, пытаюсь согреться и успокоить нервы.

Город просыпался. Люди спешили на работу, в школы, по своим делам. Всё как всегда. Будничная суета.

Но что-то было не так.

Я не сразу понял, что именно. Просто ощущение — как будто воздух стал плотнее. Как перед грозой, когда давление падает, и кожу начинает покалывать.

Я остановился на перекрёстке, ждал зелёный свет. Вокруг — толпа. Офисные работники с кофе, студенты с наушниками, бабушка с тележкой.

И вдруг я **увидел**.

Провод.

Он тянулся от столба электропередачи к зданию напротив. Обычный провод — чёрный, толстый, в изоляции. Но он **светился**. Тускло, едва заметно, холодным синим светом.

Я моргнул. Свет исчез.

Не выспался. Всё.

Светофор переключился. Я пошёл через дорогу, стараясь не думать об этом.

Но потом увидел ещё один.

Он тянулся от фонарного столба к автобусной остановке. Пульсировал. Как живой.

Я остановился посреди перехода. Водитель в машине справа нажал на сигнал — длинный, раздражённый гудок.

Я не обратил внимания. Смотрел на провод.

Он **шевелился**. Совсем чуть-чуть, змеился в воздухе, как будто дышал.

— Эй, debil, иди уже! — крикнул водитель из окна.

Я моргнул. Провод снова стал обычным — неподвижным, тусклым, мёртвым.

Я ускорил шаг, почти побежал к тротуару. Сердце снова колотилось.

Что со мной происходит?

У метро было людно. Я прислонился к стене, закурил вторую сигарету, пытаюсь успокоиться. Руки всё ещё дрожали.

— Вов!

Я вздрогнул. обернулся — Серёга махал рукой из старенькой «Газели». Широкое лицо, щетина, вечная кепка.

— Чё застыл? Поехали!

Я затушил сигарету и полез в машину. Внутри пахло соляжкой и старым кофе. На панели болтался освежитель воздуха в форме ёлки.

— Ты чё такой бледный? — Серёга прищурился. — Бухал вчера?

— Не выспался просто.

— Ага. Знаю я это «не выспался». — Он ухмыльнулся. — Бабу новую подцепил?

— Заткнись и езжай.

Серёга засмеялся и тронулся с места. Радио бубнило какие-то новости — про аварию на заводе, про повышение цен, про погоду. Я смотрел в окно и старался не думать о проводах.

Но они были везде.

Между домами. От столба к столбу. От машины к машине. Светящиеся, едва заметные, пульсирующие. Я видел их краем глаза, и каждый раз, когда поворачивал голову, они исчезали.

— Вов, ты точно в порядке? — Серёга бросил на меня взгляд.

— Угу.

— Не похоже. У тебя вид, как будто привидение увидел.

Или что похуже.

Мы ехали по городу минут двадцать. Серёга болтал что-то про вчерашний футбол, про новый объект, про то, что прораб — мудака. Я слушал вполуха.

Наконец мы свернули на Магистральную. Стройка. Высотка, этажей тридцать, ещё недостроенная. Бетонный каркас, леса, вышка башенного крана.

Вот где я работаю.

Я вылез из машины. Ветер здесь был сильнее, холоднее. Рабочие уже толпились у вагонок, курили, ждали прораба.

— Соколов, Владимир! — гаркнул прораб, толстый мужик с красным лицом. — Сегодня на кране. Проводку на двадцать третьем тянуть будем.

Я кивнул. Подошёл к подъёмнику, зашёл в кабину. Двери закрылись.

Подъём на высоту всегда был моей любимой частью. Город уменьшался внизу, проблемы оставались на земле, и на несколько часов — только ты, небо и работа.

Кабина ползла вверх. Десятый этаж. Пятнадцатый. Двадцатый.

Я смотрел в окно — и **увидел**.

Провода.

Тысячи проводов.

Они опутывали весь город. Тянулись от здания к зданию, от улицы к улице, светились холодным синим светом. Пульсировали, как жилы. Соединяли всё в огромную сеть — живую, дышащую, **ждушую**.

Я прилип к стеклу. Сердце застучало быстрее.

Это было невозможно. Но я **видел**.

Подъёмник остановился. Двери открылись. Ветер ударил в лицо.

Я вышел на площадку двадцать третьего этажа. Сто двадцать метров над землёй. Город внизу — игрушечный, далёкий.

И провода. Они окружали меня со всех сторон. Светились. Змеились. Один из них тянулся прямо к кабине крана.

Я сделал шаг вперёд.

И вдруг провод **дёрнулся**.

Он выгнулся в воздухе, извернулся — и устремился прямо ко мне.

Я отшатнулся, потерял равновесие, схватился за перила.

Провод завис в метре от моего лица. Пульсировал. Ждал.

— ...Вова?

Я обернулся. Серёга стоял у выхода из подъёмника, смотрел на меня с недоумением.

— Ты чего застыл? Пошли работать.

Я посмотрел обратно на провод.

Его не было.

Только пустой воздух и ветер.

— Я... — голос сел. Я прокашлялся. — Да. Иду.

Но руки дрожали сильнее, чем когда-либо.

И где-то в глубине сознания, в том месте, которое помнит кошмары, я услышал голос:

— *Ты видишь...*

ГЛАВА 2. ЗАМКНУТЫЙ КОНТУР

Работа на высоте требует концентрации. Одно неверное движение — и всё. Сто двадцать метров вниз, пара секунд полёта, и ты — мокрое пятно на бетоне.

Обычно это меня не беспокоило. Я работал на кранах три года, привык. Высота стала чем-то обыденным, почти комфортным. Там, наверху, мир казался проще. Меньше людей, меньше суеты.

Но сегодня всё было не так.

Я стоял в кабине крана, смотрел на панель управления и не мог сосредоточиться. Руки дрожали. Перед глазами всё время мелькали провода — те самые, светящиеся, которых быть не должно.

— Вов, ты чего тормозишь? — Серёга стоял на площадке, махал рукой. — Давай, поднимай балку!

Я моргнул, вернулся в реальность. Взялся за рычаги. Кран ожил с металлическим скрежетом, трос натянулся, балка медленно поползла вверх.

Сосредоточься. Просто работай.

Но концентрация не шла. Я всё время ловил себя на том, что смотрю не туда, куда нужно. В окно. На город. На провода.

Они были повсюду. Опутывали здания, машины внизу, людей. Один толстый провод тянулся от соседней высотки прямо к нашей стройке. Пульсировал, как артерия.

Это не реально. Галлюцинации. Переутомление.

Я поднял балку на нужную высоту, развернул стрелу крана. Серёга с двумя рабочими подхватили балку, начали крепить.

Телефон в кармане завибрировал.

Я вытащил его. Сообщение от неизвестного номера:

«Не смотри на них.»

Я уставился на экран. Сердце ёкнуло.

Что за...

Написал в ответ:

«Кто это?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Чем больше смотришь, тем сильнее видишь. Они заметят.»

Пальцы похолодели. Я набрал:

«Кто заметит? Что происходит?»

Три точки — «печатает». Потом:

«Сегодня вечером. Кафе "Рассвет" на Комсомольской. 19:00. Приди один.»

«Кто ты?»

Больше ответов не было. Номер как будто исчез. Я попытался перезвонить — длинные гудки, потом автоответчик: «Абонент недоступен».

— Блядь...

— Вов! — Серёга кричал снизу. — Ты там заснул, что ли? Давай следующую!

Я сунул телефон обратно в карман и вернулся к работе. Но мысли метались.

Кто это был? Откуда знают про провода? Может, это розыгрыш?

Нет. Розыгрыши так не работают. Никто не знал, что я вижу провода. Даже Серёге я не говорил — он бы решил, что я свихнулся.

Следующие два часа прошли в напряжённой тишине. Я работал на автомате: поднимал балки, опускал, разворачивал стрелу. Пытался не смотреть на город.

Но провода не отпускали.

Один раз я краем глаза заметил, как провод, идущий от соседнего здания, шевельнулся. Изогнулся, как змея, потянулся в мою сторону.

Я резко отвернулся, впился взглядом в панель управления.

Не смотри. Они заметят.

В обед мы спустились вниз. Серёга притащил термос с кофе и бутерброды. Мы сидели в вагончике, жевали, молчали. Радио бубнило новости.

— ...авария на химическом заводе в Подмоскowie. Три человека погибли, причина выясняется...

— ...цены на электроэнергию вырастут с первого декабря...

— ...странные сбои в работе мобильной связи по всему городу. Операторы обещают устранить...

Серёга хмыкнул:

— Сбои в связи. Вчера у меня интернет три раза вырубался. Заебали уже.

Я кивнул, не слушая. Смотрел в окно вагончика. На стройплощадке работали люди — таскали материалы, варили металл, орали друг на друга. Всё обыденно.

Но над их головами висели провода.

Светящиеся нити соединяли их — от человека к человеку, от инструмента к инструменту. Как паутина. Как сеть.

Один рабочий прошёл мимо окна — толстый мужик с татуировками. Провод тянулся от его затылка к экскаватору. Пульсировал в такт его шагам.

Я зажмурился.

Хватит. Хватит!

— Вов, ты точно в порядке? — Серёга смотрел на меня с беспокойством. — Может, домой поедешь? Скажу прорабу, что заболел.

— Нет. Нормально.

— Не похоже. Ты бледный, трясёшься... Может, грипп?

Да, грипп. Который заставляет видеть светящиеся провода.

— Просто не выспался. Пройдёт.

Серёга не выглядел убеждённым, но спорить не стал. Мы доели и вернулись к работе.

Вторая половина дня тянулась бесконечно. Солнце садилось рано — ноябрь, световой день короткий. К четырём уже начало темнеть.

И с темнотой провода стали ярче.

Я стоял в кабине крана, смотрел на город — и видел сеть. Огромную, светящуюся, опутавшую всё. Здания, дороги, машины, люди — всё соединено тысячами пульсирующих нитей.

Как схема. Гигантская электрическая схема.

И где-то в центре этой схемы был узел. Точка, где все провода сходились. Яркое пятно света, пульсирующее сильнее остальных.

Я не мог разглядеть, где именно оно находится — слишком далеко, слишком яркое.

Но я чувствовал его. Как магнит. Как притяжение.

— Соколов! — прораб орал снизу. — Хватит на облака пялиться! Работать будешь или любоваться?!

Я вздрогнул, вернулся к работе. Но узел не отпускал.

Что это?

В шесть вечера смена закончилась. Я спустился вниз, переоделся, вышел к воротам стройки. Серёга предложил подвезти, но я отказался.

— Прогуляюсь. Воздухом подышу.

— Ага, на морозе, — Серёга скептически хмыкнул. — Смотри не заболей окончательно.

Я пошёл пешком по тёмным улицам. Город зажигал огни — фонари, витрины, окна домов. Но для меня весь свет был в проводах.

Они вели меня.

Я не сразу понял это. Просто шёл, куда глаза глядят, сворачивал то влево, то вправо. А потом заметил: провода тянутся в одном направлении. К узлу.

Нет. Не пойду туда.

Я остановился. Развернулся. Пошёл в другую сторону.

Но через пять минут снова оказался на той же улице.

Как?

Я точно помнил — свернул направо, потом ещё раз направо, должен был идти в противоположную сторону. Но я стоял на том же месте. Те же дома, тот же фонарь, та же трещина в асфальте.

Сердце забилося быстрее. Я пошёл снова — прямо, потом налево, потом ещё налево. Шёл быстро, почти бежал.

И снова вернулся на ту же улицу.

— Что за хуйня...

Я вытащил телефон, открыл карты. GPS показывал моё местоположение — улица Садовая. Я никогда здесь не был.

Построил маршрут до дома — двадцать минут пешком. Пошёл по стрелке на экране.

Прошёл квартал. Два. Три.

Посмотрел на телефон — я всё ещё на улице Садовой. Не сдвинулся ни на метр.

Это невозможно.

Я попробовал снова. И снова. И снова.

Каждый раз возвращался на ту же улицу.

Паника начала подниматься откуда-то из груди. Дыхание участилось. Руки вспотели.

Что происходит?

— Замкнутая петля.

Я обернулся.

Рядом стояла женщина.

Она появилась из ниоткуда — секунду назад улица была пустой. Высокая, стройная, лет тридцати. Чёрное пальто, тёмные волосы, серые глаза. Смотрела на меня спокойно, почти равнодушно.

— Ты... — я попятился. — Кто ты?

— Меня зовут Кира. — Её голос был ровным, но в нём звучало напряжение. — Я та, кто написала тебе. И мы не успеваем.

— Что?

Она шагнула ближе. Взгляд серьёзный, почти жёсткий.

— Ты видишь провода. Значит, ты пробуждаешься. А когда ты пробуждаешься, они замечают.

— Кто — они?!

— Агенты системы. — Она оглянулась через плечо, словно проверяя, не следят ли за нами. — У нас есть минут пять, не больше. Ты должен решить прямо сейчас: остаться в петле и забыть всё, или пойти со мной и узнать правду.

Я смотрел на неё, пытаясь понять — розыгрыш это, сумасшествие или...

И тут я увидел провода за её спиной.

Десятки светящихся нитей тянулись по улице, сходились в одну точку — в переулок за её спиной. И оттуда, из темноты, выходили люди.

Трое. Четверо. Пятеро.

Одинаковые деловые костюмы. Одинаковые лица — гладкие, безэмоциональные, пустые.

Они шли прямо к нам.

— Вот дерьмо, — выдохнула Кира. — Они уже здесь.

Она схватила меня за руку.

— Бежим. Сейчас.

И мы побежали.

ГЛАВА 3. ПЕРЕГРУЗКА

Мы мчались по тёмным улицам, и я не понимал, куда бегу и от кого.

Кира тянула меня за собой, сворачивала то в переулки, то во дворы, огибала мусорные баки и припаркованные машины. Я едва успевал за ней, спотыкался, хватал ртом холодный воздух.

За спиной слышались шаги.

Ровные. Методичные. Они не ускорялись и не замедлялись. Просто шли. И с каждой секундой становились ближе.

— Кто они?! — выдохнул я.

— Потом объясню! — Кира рванула направо, в узкий проход между домами. — Главное — не дай им коснуться тебя!

Мы вылетели на другую улицу. Я обернулся — агенты всё ещё шли. Пятеро мужчин в одинаковых костюмах, с одинаковыми лицами. Они двигались синхронно, как роботы.

И от каждого тянулись провода.

Десятки светящихся нитей соединяли их друг с другом, с фонарями, с машинами, с самими зданиями. Пульсировали холодным синим светом.

— Вов, не смотри на провода! — крикнула Кира.

Я дёрнулся, отвернулся. Но было поздно — провода уже зацепили моё внимание. Я видел, как они извиваются в воздухе, тянутся ко мне.

Один провод метнулся вперёд, как змея.

Я отпрыгнул в сторону, врезался плечом в стену. Провод проскользнул мимо, на миллиметр от моего лица.

— Быстрее! — Кира схватила меня за куртку и потащила дальше.

Мы нырнули в подземный переход. Лестница вниз, длинный туннель, воняющий мочой и сыростью. Редкие лампочки мигали на потолке.

Шаги за спиной эхом отдавались по бетону.

В конце туннеля — лестница вверх. Мы взлетели по ступенькам, выскочили на улицу.

И тут мир дёрнулся.

Я даже не понял сразу, что произошло. Просто всё вокруг как будто замерло на секунду, потом резко дёрнулось назад — и мы снова стояли в начале туннеля.

— Что за..

— Пегля! — Кира выругалась. — Они замкнули пространство!

Агенты появились в конце туннеля. Медленно шли к нам.

Кира оглянулась, искала выход. Я видел, как её руки сжались в кулаки.

— Вов, — она повернулась ко мне, — ты сказал, что работаешь с электричеством?

— Да, но...

— Тогда чувствуй.

— Что?!

Она схватила меня за плечи, впилась взглядом в глаза.

— Провода вокруг тебя — они не просто картинка. Они реальны. Ты можешь их трогать, менять, рвать. Это твоя способность. Так что сосредоточься и делай!

Я смотрел на неё, как на сумасшедшую.

— Я не понимаю, о чём ты...

Агенты были уже в десяти метрах. Провода от них тянулись прямо к нам, окружали, сжимали кольцо.

Кира отпустила меня, отступила на шаг.

— Тогда учись быстро. Или мы оба умрём.

Провод метнулся ко мне.

Я среагировал инстинктивно — выбросил руку вперёд, как будто пытался его оттолкнуть.

И коснулся.

Разряд пронзил меня от кончиков пальцев до самого позвоночника. Я увидел вспышку — яркую, ослепляющую — и почувствовал, как провод дёрнулся под моей ладонью. Живой. Горячий. Пульсирующий.

Я сжал его.

И дёрнул на себя.

Провод лопнул.

Свет погас. Агент, от которого он тянулся, замер на месте, дёрнулся — и рухнул на пол, как кукла с обрезанными нитками.

Я уставился на свою руку. Пальцы дымились. Кожа покраснела, как от ожога.

— Вот так, — выдохнула Кира. — Теперь остальных.

Остальные четверо агентов двинулись быстрее. Провода метнулись ко мне со всех сторон.

Я не думал. Действовал.

Схватил один провод — разряд, вспышка, рывок. Лопнул.

Второй. Третий.

Агенты падали один за другим. Их тела дёргались на полу, как у замкнувших роботов, потом замирали.

Последний агент остановился в метре от меня. Его лицо оставалось пустым, безэмоциональным. Только глаза — холодные, стеклянные — смотрели прямо на меня.

Провод от него потянулся к моей груди.

Я поймал его обеими руками.

Боль была сильнее, чем раньше. Я почувствовал, как электричество жжёт кожу, проникает глубже, в мышцы, в кости. Закричал.

Но не отпустил.

Рванул изо всех сил.

Провод лопнул с громким треском, как перегоревший кабель. Агент рухнул.

Тишина.

Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. Обе ладони в ожогах, кожа красная и вздувшаяся. Болело так, что хотелось заорать.

Кира подошла, осмотрела меня.

— Неплохо для первого раза.

— Что... что это было? — я еле выдавил слова.

— Агенты системы. Охранные программы. Когда кто-то начинает пробуждаться, они приходят. Стирают память или убивают. — Она кивнула на лежащие тела. — Эти больше не встанут. Но будут другие.

Я посмотрел на агентов. Их тела начали распадаться — буквально растворяться в воздухе, как дым. Через несколько секунд от них не осталось ничего.

— Это нереально, — пробормотал я. — Это не может быть реальным.

Кира усмехнулась, но без веселья.

— Добро пожаловать в настоящий мир, Вова. Здесь ничто не реально.

Она развернулась и пошла к выходу из туннеля.

— Идём. Нам нужно попасть в безопасное место, пока не пришли новые.

Я последовал за ней, всё ещё не веря в происходящее. Руки дрожали, ожоги саднили, голова кружилась.

Мы вышли на улицу. Город выглядел как обычно — машины, люди, огни витрин. Но теперь я видел провода везде. Они опутывали всё, связывали каждого человека, каждый объект в единую сеть.

— Что это за провода? — спросил я.

— Контроль, — ответила Кира, не оборачиваясь. — Всё, что ты видишь вокруг, — симуляция. Искусственная реальность. А провода — это её структура. Они управляют всем:

людьми, событиями, временем. Большинство людей их не видят. Они спят и даже не подозревают.

— Спят?

— Физически их тела находятся в другом месте. В капсулах. Подключённые к машинам. А сознания здесь, в этой иллюзии. — Она остановилась, повернулась ко мне. — Ты начал просыпаться, Вова. Поэтому видишь провода. Поэтому можешь их трогать.

Я молчал, переваривая информацию. Это звучало как бред. Как плохой фантастический фильм.

Но ожоги на моих руках были реальны. Агенты были реальны. Провода были реальны.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь мы идём в убежище. Там я всё объясню. — Кира снова пошла вперёд. — И, Вова?

— Да?

— Держись от проводов подальше. Чем больше ты их трогаешь, тем сильнее система тебя чувствует. Следующий раз агентов будет больше.

Мы шли минут двадцать. Петля, в которой я застрял раньше, исчезла — я узнавал улицы, мог ориентироваться. Кира вела меня окольными путями, через дворы и переулки.

Наконец мы остановились у старого жилого дома. Пятиэтажка, облезлая штукатурка, окна заколочены фанерой. Выглядело заброшенным.

— Здесь? — я недоверчиво посмотрел на здание.

— Здесь.

Кира открыла ржавую дверь, мы зашли внутрь. Подъезд тёмный, воняет плесенью. На стенах граффити.

Мы спустились в подвал. Кира достала фонарик, осветила путь. Длинный коридор, потом металлическая дверь.

Она постучала — три раза, пауза, два раза.

Дверь открылась.

За ней стоял парень лет двадцати пяти, худой, в очках, с всклокоченными волосами. Смотрел на меня подозрительно.

— Это он? — спросил он у Кире.

— Да. Видит провода. Уже столкнулся с агентами.

Парень присвистнул.

— Быстро ты его нашла.

— Не я его нашла. Он сам пробудился. — Кира вошла внутрь, я последовал за ней.

За дверью была большая комната. Бетонные стены, старая мебель, несколько компьютеров на столах. На стенах — карты города, исписанные пометками, фотографии, схемы.

И люди.

Человек десять, разного возраста. Сидели, стояли, переговаривались вполголоса. Все смотрели на меня с любопытством.

— Это сопротивление, — сказала Кира. — Те, кто пробудился и выжил.

Парень в очках протянул мне руку.

— Макс. Я здесь что-то вроде техника.

Я пожал ему руку. Ожоги на ладонях вспыхнули болью, я поморщился.

— Вова.

— Ого, — Макс заметил ожоги. — Ты уже рвал провода голыми руками? Круто. И больно, наверное.

— Очень.

Кира подвела меня к столу, усадила на стул.

— Макс, принеси аптечку. И воды.

Пока Макс суетился, Кира села напротив меня. Посмотрела в глаза — серьёзно, изучающе.

— У тебя есть вопросы. Спрашивай.

Вопросов было тысяча. Но я начал с главного.

— Это правда? Всё, что ты говорила? Симуляция, капсулы, машины?

— Правда.

— Докажи.

Кира усмехнулась.

— Ты сам себе уже доказал. Провода. Агенты. Петля времени. Этого недостаточно?

— Может, я схожу с ума.

— Возможно, — она пожала плечами. — Но сумасшедшие обычно не рвут системные процессы голыми руками.

Макс вернулся с аптечкой. Кира достала бинты, мазь, начала обрабатывать мои ожоги. Руки её были уверенными, опытными.

— Больно? — спросила она.

— Терпимо.

Она продолжала бинтовать, говорила при этом:

— Этот мир — тюрьма, Вова. Созданная, чтобы держать человечество в плену. Настоящие люди спят в капсулах на огромной станции. Их сознания заперты здесь, в симуляции. Большинство даже не подозревает. Они живут, работают, умирают — и думают, что это реально.

— Зачем? — спросил я. — Зачем кому-то держать людей в симуляции?

— Энергия. Контроль. Страх. — Кира закончила бинтовать, отложила аптечку. — Точно мы не знаем. Но знаем одно: система не хочет, чтобы люди просыпались. Поэтому убивает тех, кто начинает видеть правду.

Я молчал, переваривая информацию.

— И как мне... проснуться?

Кира замолчала. Посмотрела на остальных в комнате. Те отвели взгляды.

— В этом проблема, — тихо сказала она. — Просто проснуться нельзя. Связь слишком сильна. Если попытаться оборвать её силой, умрёшь. И здесь, и там.

— Тогда как?

— Есть один способ. — Она встала, подошла к стене, где висела схема. — Глубокий сон. Нужно заснуть так глубоко, что сознание пройдёт сквозь симуляцию, достигнет настоящего тела. И там разорвёт связь изнутри.

Я подошёл ближе, посмотрел на схему. Уровни, слои, стрелки, пометки.

— Звучит просто.

— Это не просто, — Макс вмешался в разговор. — Глубокий сон — это кошмар. Буквально. Там живут твои худшие страхи. И там живёт Страж.

Моя кровь похолодела.

— Страж?

Кира кивнула.

— Сущность, охраняющая систему. Она охотится на тех, кто пытается пробудиться. Принимает форму твоих кошмаров. И если она убьёт тебя во сне...

Она не закончила. Не нужно было.

— ...я умру по-настоящему, — закончил я.

— Да.

Я отступил от схемы, сел обратно на стул. Голова кружилась.

— И что мне делать?

Кира села рядом.

— Ты можешь остаться здесь, в убежище. Мы научим тебя прятаться от системы, контролировать способность. Но рано или поздно агенты найдут тебя. Или...

— Или?

Она посмотрела мне в глаза.

— Или ты пойдёшь со мной в глубокий сон. И попытаешься пробудиться по-настоящему.

— И умереть там.

— Возможно. — Она не стала врать. — Но если получится, ты будешь свободен. И сможешь помочь освободить других.

Я молчал. Смотрел на свои забинтованные руки, на людей вокруг, на схему на стене.

Выбора, по сути, не было.

— Когда начинаем? — спросил я.

Кира улыбнулась. Впервые за всё время.

— Завтра ночью. Приготовься, Вова. Это будет самый страшный сон в твоей жизни.

ГЛАВА 4. ЖЕНЩИНА ИЗ ТЕНИ

Ночь я провёл в убежище.

Кира выделила мне угол с раскладушкой и старым спальным мешком. Сказала отдыхать, набираться сил перед завтрашним погружением. Но сон не шёл.

Я лежал, смотрел в бетонный потолок и думал.

Всё произошедшее казалось бредом. Ещё утром я был обычным электриком, работал на кране, беспокоился о квартплате и материных лекарствах. А теперь лежу в подвале, в компании людей, утверждающих, что мир — иллюзия, и собираюсь нырнуть в смертельный кошмар.

Безумие.

Но ожоги на руках болели. Воспоминания об агентах были слишком яркими. Провода, которые я разорвал, ощущались реальнее всего, что я когда-либо трогал.

Значит, это правда.

Я повернул голову. В комнате горела одна лампочка, тусклая, под потолком. Большинство людей спали — кто на матрасах, кто на стульях. Макс сидел за компьютером, что-то печатал, экран отсвечивал синим на его лице.

Кира стояла у стены с картами. Смотрела на них, задумчиво, словно искала ответ на вопрос, который не давал покоя.

Я встал, подошёл к ней.

— Не спится? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет.

— Нормально. У всех так в первую ночь.

Она показала на карту города. На ней были отмечены десятки точек — красных, синих, зелёных.

— Что это?

— Красные — места, где система особенно сильна. Узлы управления. Синие — безопасные зоны, где можно прятаться. Зелёные — люди, которые начинают пробуждаться.

Я пригляделся. Зелёных точек было мало, может, двадцать на весь город.

— Всего двадцать?

— Двадцать три, если считать тебя. — Кира вздохнула. — Раньше было больше. Но агенты находят их быстрее, чем мы успеваем спасти.

— И сколько вас здесь, в сопротивлении?

— Двенадцать. Были шестнадцать, но четверо погибли в прошлом месяце.

Молчание повисло тяжёлое, неловкое. Я не знал, что сказать.

— Почему ты помогаешь людям? — спросил я наконец.

Кира посмотрела на меня. Во взгляде была усталость, давняя и глубокая.

— Потому что кто-то когда-то помог мне. Когда я начала просыпаться, я была одна, напугана, не понимала, что происходит. Агенты почти убили меня. Но один человек вытащил, объяснил, научил. — Она отвернулась. — Он погиб два года назад, защищая убежище. Я обещала ему продолжить.

— Мне жаль.

Она пожала плечами.

— Такова цена свободы. Кто-то должен платить.

Я хотел спросить ещё что-то, но она перевела разговор:

— Завтра ты войдёшь в глубокий сон. Это не будет похоже ни на что, что ты испытывал раньше. Обычные сны — отражения твоих мыслей, памяти. Глубокий сон — другое. Там реальность текучая, нестабильная. Она реагирует на твой страх. Чем больше боишься, тем сильнее кошмар.

— И как не бояться, если там охотится Страж?

— Никак. — Кира усмехнулась, но без радости. — Ты будешь бояться. Главное — не позволить страху парализовать тебя. Двигайся. Ищи выход. Помни, зачем пришёл.

— А если я не справлюсь?

— Тогда умрёшь. И здесь, и там.

Прямолинейно. Без утешений.

Мне это понравилось больше, чем фальшивый оптимизм.

— Ты сама проходила через это? — спросил я.

Кира кивнула.

— Дважды. Первый раз — когда пробуждалась. Второй — чтобы помочь другому. Оба раза едва выжила.

— И ты снова пойдёшь? Со мной?

— Да.

— Зачем? Ты же рискуешь.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Потому что ты особенный, Вова. Ты видишь провода ярче всех, кого я встречала. Можешь их рвать голыми руками, хотя другим нужны недели тренировок. Ты либо ключ к чему-то большому, либо...

— Либо что?

— Либо мишень. Система будет охотиться на тебя беспощадно. И если я не помогу, ты долго не протянешь.

Честно. Опять без прикрас.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что. Просто не умри завтра. Мне надоело терять людей.

Она отошла от карты, села на стул, закрыла глаза. Разговор был окончен.

Я вернулся на раскладушку, лёг, снова уставился в потолок.

Сон всё равно не шёл.

Вместо этого в голове крутились мысли: провода, агенты, Страж, глубокий сон, смерть. Замкнутый круг, из которого не было выхода.

Я не заметил, как всё-таки провалился.

Проснулся от прикосновения.

Чья-то рука легла мне на плечо. Холодная. Слишком холодная.

Я открыл глаза.

Надо мной стояла женщина.

Высокая, в чёрном платье. Волосы длинные, тёмные, закрывали лицо. Она склонилась надо мной, и я видел только контур её головы в тусклом свете лампы.

Сердце ёкнуло.

— Кто...

Она не ответила. Просто стояла. Рука на моём плече сжалась сильнее.

Я попытался встать, но не мог пошевелиться. Тело не слушалось, словно парализованное.

Женщина наклонилась ближе. Волосы упали вперёд, и сквозь них я увидел лицо.

Бледное. Без глаз.

Только чёрные впадины, из которых сочилось что-то тёмное, вязкое.

Рот открылся. Слишком широко. Слишком много зубов.

— Ты видишь, — прошептала она голосом, похожим на скрежет стекла по металлу.

Я попытался закричать. Не вышло. Горло сжалось.

Она склонилась ещё ниже, её лицо почти коснулось моего.

— Ты пробудишься, — продолжала она, — и умрёшь. Все умирают, Вова. Ты. Она. Все.

Рука на моём плече превратилась в когти. Вонзились в кожу, в мышцы. Боль взорвалась ослепительной вспышкой.

Я рванулся, закричал.

И проснулся.

Рывком. Весь в поту. Сердце колотилось, как бешеное.

Я огляделся. Убежище. Раскладушка. Лампа под потолком. Никого рядом.

Сон.

Просто сон.

Но плечо болело.

Я стянул футболку, посмотрел.

На коже — четыре глубокие царапины. Свежие. Кровоточащие.

— Нет...

— Вова?

Я вздрогнул. Обернулся.

Кира стояла у раскладушки, смотрела на меня с тревогой.

— Что случилось?

Я показал ей плечо. Царапины.

Её лицо стало жёстким.

— Когда это произошло?

— Только что. Во сне. Там была женщина, она...

— Страж, — Кира перебила меня. — Он уже охотится на тебя. Даже здесь, в обычных снах.

— Но как?

— Ты слишком яркий, — она достала аптечку, начала обрабатывать царапины. — Система чувствует тебя. Страж тоже. Он проникает в твои сны, чтобы ослабить, напугать. Подготовить к охоте в глубоком сне.

Антисептик жёг. Я стиснул зубы.

— И что мне делать?

— Не спать до погружения. Или спать здесь, в убежище, под защитой. Макс настроил блокировку — она глушит системные вторжения. Но не на сто процентов.

Она забинтовала плечо, отложила аптечку.

— Через несколько часов мы начнём погружение. Готовься.

Я кивнул, хотя готовым себя не чувствовал.

Кира ушла. Я остался сидеть на раскладушке, смотрел на свои забинтованные руки и плечо.

Страх начинал подниматься изнутри, холодный и липкий. Я гнал его, но он возвращался снова и снова.

Женщина из сна. Её лицо без глаз. Голос.

Ты пробудишься и умрёшь.

Я встал, подошёл к умывальнику в углу комнаты. Плеснул в лицо ледяной водой. Посмотрел в мутное зеркало над раковиной.

В отражении стоял я — бледный, с тёмными кругами под глазами, испуганный.

А за моей спиной, в углу, шевелилась тень.

Я резко обернулся.

Пусто.

Посмотрел в зеркало снова.

Тень исчезла.

Руки задрожали. Я сжал их в кулаки, пытаюсь взять себя в руки.

Это начинается.

Оставшиеся часы до погружения тянулись мучительно медленно.

Макс подготовил оборудование — какие-то провода, датчики, экраны. Объяснял, что это поможет отслеживать моё состояние во время глубокого сна, вытащить в случае опасности.

— Вытащить? — переспросил я.

— Ну, теоретически, — Макс поправил очки. — На практике пока никто не выживал, если Страж добирался до них. Но мы стараемся.

Обнадёживающе.

Кира тоже готовилась. Проверяла какие-то записи, карты уровней сна, схемы. Говорила вполголоса с другими членами сопротивления.

Я сидел в стороне, пытался успокоиться.

Не получалось.

Царапины на плече саднили. Ожоги на руках тоже. Всё тело было одним сплошным напоминанием: это реально, это опасно, это может убить тебя.

— Вов.

Кира подошла, села рядом.

— Скоро начнём. Ты понимаешь, что будет?

— Не совсем.

Она вздохнула.

— Я введу тебя в глубокий сон с помощью специального состава. Ты погрузишься на первый уровень — там будет искажённая версия этого мира. Нужно двигаться глубже, проходить уровни, пока не доберёшься до ядра.

— Ядра?

— Место, где твоё сознание соединяется с телом в реальном мире. Там ты сможешь разорвать связь и пробудиться по-настоящему. Но путь будет опасен. На каждом уровне кошмары сильнее. И Страж будет охотиться.

— А ты пойдёшь со мной?

— Да. Я буду рядом, буду помогать. Но если Страж нападёт...

Она не закончила, но я понял.

Каждый сам за себя.

— Ещё вопросы? — спросила Кира.

— Один. — Я посмотрел ей в глаза. — Ты веришь, что я справлюсь?

Она помолчала, потом медленно кивнула.

— Да. Иначе не рисковала бы идти с тобой.

Не знаю, почему, но это успокоило.

— Тогда начинаём?

— Да.

Макс подвёл меня к импровизированной кушетке — матрас на металлической раме. При-соединил датчики к вискам, груди, запястьям. Экраны вокруг замигали, начали выводить гра-фики.

— Всё готово, — сказал Макс.

Кира достала шприц с тёмной жидкостью.

— Это введёт тебя в глубокий сон. Будет неприятно. Возможно, больно. Но не сопротив-ляйся. Просто дыши и отпускаяй.

Я кивнул.

Она ввела иглу в вену.

Холод разлился по руке, потом по всему телу. Мышцы начали тяжелеть, дыхание замед-лилось.

Свет померк. Звуки стали приглушёнными, далёкими.

Последнее, что я увидел — лицо Киры, склонившееся надо мной.

— Увидимся на той стороне, Вова.

И я провалился в темноту.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ

Темнота была абсолютной.

Не просто отсутствие света. Это была темнота, которая давила, сжимала, проникала под кожу. Я не видел ничего. Не слышал. Не чувствовал своего тела.

Только пустота.

Потом появился звук.

Тихий. Далёкий. Как шёпот ветра или дыхание огромного существа.

Звук приближался, нарастал, превращался в гул. Низкий, вибрирующий, пронизываю-щий до костей.

И вдруг темнота треснула.

Вспышка света ударила мне в глаза. Я зажмурился, застонал. Когда открыл глаза снова, мир вокруг уже был.

Я стоял посреди улицы.

Знакомой улицы. Та самая, где жил. Пятиэтажки, облезлая штукатурка, старые машины у подъездов. Всё как обычно.

Но что-то было не так.

Я огляделся. Город выглядел пустым. Ни людей, ни машин на дорогах, ни звуков. Только тишина, давящая и неестественная.

Фонари горели, но свет от них был мутным, жёлтым, как от старых ламп накаливания. Тени от зданий лежали неправильно, под странными углами, не соответствующими положению солнца.

Солнца, впрочем, не было. Небо затянуто серой пеленой, однородной, без облаков.

Я сделал шаг вперёд. Асфальт под ногами был мягким, словно резиновый. Шаги не изда-вали звука.

Провода.

Они были повсюду. Светящиеся нити опутывали здания, столбы, машины. Пульсировали холодным синим светом, ярче, чем в реальном мире. Змеились в воздухе, живые и угрожаю-щие.

Я попятился, стараясь держаться от них подальше.

— Вова.

Я обернулся. За моей спиной стояла Кира.

Она выглядела так же, как в убежище: чёрное пальто, тёмные волосы, серые глаза. Но здесь, в этом месте, она казалась более чёткой, яркой, словно реальнее, чем окружающий мир.

— Ты здесь, — выдохнул я.

— Я обещала. — Она подошла ближе, огляделась. — Ты на первом уровне. Всё идёт по плану.

— Что это за место?

— Искажённая версия твоей реальности. Глубокий сон берёт знакомые образы и искажает их, делает пугающими. Чем дальше пойдёшь, тем сильнее искажения.

Я снова посмотрел на пустые улицы, на неправильные тени, на провода.

— Куда мне идти?

Кира указала вперёд, на дальний конец улицы. Там, сквозь серую пелену неба, пробивался слабый свет.

— Туда. Это проход на второй уровень. Но будь осторожен. Здесь не так безопасно, как кажется.

— А Страж?

— Он уже здесь. — Кира посмотрела через плечо, в темноту между зданиями. — Я чувствую его. Он наблюдает. Ждёт момента.

Холод пробежал по спине.

— Что мне делать, если он нападёт?

— Бежать. Прятаться. Не давать ему коснуться тебя. — Она достала из кармана что-то похожее на нож, только лезвие светилось тускло-белым светом. — Если придётся, можно попытаться ранить его. Но убить Стража на этом уровне невозможно. Только задержать.

Она протянула мне похожий нож.

— Держи. Он сделан из света сознания. Работает против кошмаров.

Я взял нож. В руке он был тёплым, почти живым. Лезвие пульсировало в такт моему сердцебиению.

— Пошли, — Кира двинулась вперёд.

Я последовал за ней.

Мы шли по пустой улице, мимо знакомых зданий. Моя школа. Магазин, где я покупал сигареты. Автобусная остановка, на которой ждал Серёгу.

Всё было здесь, но искажённое. Окна домов были заколочены досками. Стены покрыты трещинами. На асфальте валялись обломки — куски бетона, ржавые трубы, разбитые фонари.

Провода тянулись надо всем, как сеть паука.

— Не смотри на них долго, — предупредила Кира. — Они притягивают внимание. Чем больше смотришь, тем сильнее они становятся.

Я отвёл взгляд.

Мы дошли до перекрёстка. Кира остановилась, огляделась.

— Что-то не так? — спросил я.

— Слишком тихо. Обычно на первом уровне больше активности. Тени, отголоски. Здесь ничего.

Она была права. Тишина давила на уши, неестественная и тревожная.

И вдруг я услышал звук.

Шаги.

Тяжёлые, медленные, эхом отдающиеся по пустым улицам.

Я замер. Кира тоже.

Шаги приближались. Из-за угла, справа от нас.

Кира сжала нож, отступила на шаг. Я сделал то же самое.

Из-за угла вышла фигура.

Человек. Мужчина в рабочей куртке и джинсах. Он шёл медленно, шаркая ногами. Голова опущена, лицо скрыто в тени.

Провода тянулись от его тела к зданиям вокруг, пульсировали в такт его шагам.

— Кто это? — прошептал я.

— Отголосок, — тихо ответила Кира. — Фрагмент чьего-то сознания, застрявший в глухом сне. Не опасен, если не трогать.

Мужчина прошёл мимо нас, не поднимая головы. Провода за ним волочились по асфальту, шипели и искрили.

Я выдохнул с облегчением, когда он скрылся за углом.

— Идём дальше, — Кира тронулась вперёд.

Мы прошли ещё несколько кварталов. Город становился всё более разрушенным. Дома покосились, стены обваливались, на дорогах зияли дыры. Провода разрастались, становились толще, ярче.

Свет впереди был всё ближе. Я уже различал его форму — круглый портал, парящий в воздухе, светящийся мягким белым светом.

Проход на второй уровень.

— Почти дошли, — сказала Кира.

И тут мир дёрнулся.

Резко, как от толчка. Я споткнулся, чуть не упал. Кира схватила меня за руку.

— Что это?

— Страж, — её голос был напряжённым. — Он начал охоту.

Провода вокруг нас вспыхнули ярче. Начали двигаться, извиваться, тянуться к нам.

Из темноты между зданиями пополз туман.

Чёрный, густой, липкий. Он двигался по земле, как живой, окутывал дома, машины, фонари. Температура упала. Я увидел своё дыхание — белые облачка пара.

— Бежим, — сказала Кира.

Мы побежали к portalу.

Туман полз за нами, быстрее, чем казалось. Я слышал, как он шипит, как провода в нём трещат и лопаются.

Тридцать метров до портала. Двадцать.

Из тумана появилась тень.

Огромная. Бесформенная. С сотнями жёлтых глаз, горящих в темноте.

Страж.

Он двигался бесшумно, скользил по земле, как дым. Глаза смотрели на меня, только на меня.

Ты видишь.

Голос в голове, скрипучий, мёртвый.

Ты пробудишься и умрёшь.

Страх ударил, как током. Колени подкосились, дыхание сбилось.

— Вова, не останавливайся! — крикнула Кира.

Она схватила меня за руку, потащила вперёд.

Десять метров до портала.

Тень выбросила щупальце. Чёрное, извивающееся, с проводами, торчащими из плоти.

Кира выставила нож, рубанула.

Лезвие прорезало щупальце. Оно лопнуло с шипением, брызнув чем-то тёмным.

Страж взревел. Звук был нечеловеческим — скрежет, вой, крик тысячи голосов.

Пять метров.

Второе щупальце метнулось ко мне. Я увернулся, упал, перекатился.

Щупальце ударило в асфальт, пробило его, как бумагу.

Кира подбежала, помогла мне встать.

— Прыгай!

Мы рванули к portalу. Страж полз за нами, быстрее, ближе. Его глаза горели ярче, щупальца разрастались, окружали со всех сторон.

Я прыгнул в портал.

Вспышка света.

Ощущение падения.

Звук, как разрывающаяся ткань.

И темнота снова поглотила меня.

Я упал на что-то твёрдое.

Камень. Холодный, мокрый. Я застонал, перевернулся на спину, открыл глаза.

Надо мной было небо.

Но не серое, как на первом уровне. Это небо было красным. Багровым, как закат. Облака двигались быстро, неестественно, закручивались в спирали.

Я сел, огляделся.

Второй уровень.

Я был в городе. Но не в том, который знал. Здания здесь были огромными, искажёнными, тянулись к небу под невозможными углами. Улицы извивались, петляли, уходили в никуда. Всё было залито красным светом.

Провода здесь были толстыми, как канаты. Они опутывали всё, висели в воздухе, тянулись от здания к зданию, пульсировали ярко-красным светом.

Где-то далеко слышались звуки. Крики. Скрежет металла. Вой.

— Вова.

Я обернулся. Кира стояла рядом, отряхивалась. На её пальто были следы чего-то тёмного, как кровь.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Да. Ты?

Я проверил себя. Нож всё ещё в руке. Одежда целая. Вроде всё на месте.

— Нормально.

Кира посмотрела вокруг, нахмурилась.

— Второй уровень. Здесь будет хуже. Кошмары сильнее. И Страж тоже.

— Он последует за нами?

— Уже следует.

Она показала назад. Портал, через который мы прошли, затягивался. Но сквозь него просачивался чёрный туман.

Страж не отстал.

— Нужно двигаться глубже, — сказала Кира. — Портал на третий уровень где-то здесь. Найдём его — уйдём от Стража. Может быть.

Она двинулась вперёд, по извилистой улице.

Я последовал, сжимая нож.

Красный свет окутывал всё. Тени двигались сами по себе, отрывались от зданий, ползали по стенам. Где-то вдалеке слышались крики — человеческие, но искажённые, тянущиеся.

Мы прошли мимо витрины магазина. Внутри стояли манекены.

Они повернули головы, следя за нами взглядом пустых глазниц.

Я ускорил шаг.

— Не обращай внимания, — сказала Кира. — Это просто отражения твоих страхов. Они не реальны.

— Легко говорить.

Мы свернули за угол.

И наткнулись на человека.

Он стоял посреди улицы, спиной к нам. Высокий, в длинном пальто. Провода тянулись от его тела в разные стороны, как паутина.

Кира остановилась, подняла руку — знак замолчать.

Человек медленно обернулся.

У него не было лица.

Гладкая кожа, как у манекена. Никаких черт. Только пустота.

Он сделал шаг к нам.

Кира выставила нож.

— Назад.

Человек не остановился. Сделал ещё шаг. Провода за ним натянулись, зазвенели.

— Вова, отходи, — тихо сказала Кира.

Я попятился.

Человек вдруг дёрнулся и побежал.

Быстро. Неестественно быстро.

Кира рубанула ножом. Лезвие прошло сквозь его грудь.

Человек рассыпался, как песок. Провода лопнули с треском.

Но за ним, из-за угла, вышли ещё.

Десять. Двадцать. Тридцать.

Безликие фигуры, все одинаковые, все тянулись к нам.

— Бежим! — крикнула Кира.

Мы побежали по извилистым улицам. Фигуры шли за нами, молча, методично. Провода за ними волочились по земле, искрили.

Я не знал, куда бежим. Просто следовал за Кирой, сворачивал, когда она сворачивала, прыгал через завалы, уворачивался от проводов.

Впереди появился свет. Белый, яркий.

Портал.

— Туда! — Кира указала вперёд.

Мы рванули к нему.

Фигуры ускорились. Одна из них выбросила руку, схватила меня за плечо.

Холод обжёг кожу. Я закричал, ударил её ножом.

Лезвие вошло, фигура рассыпалась.

Мы прыгнули в портал.

Вспышка.

Падение.

Темнота.

И я снова провалился.

ГЛАВА 6 КОРИДОРЫ ПАМЯТИ

Я очнулся в коридоре.

Длинном. Узком. Стены — грязно-белая плитка, местами отколотая, обнажающая бетон. Потолок низкий, с мигающими лампами дневного света. Пол — линолеум, потрескавшийся, липкий под ногами.

Запах.

Он ударил первым — смесь хлорки, сырости и чего-то ещё. Чего-то гниющего, спрятанного под слоем дезинфекции.

Я медленно поднялся на ноги. Голова кружилась. Нож всё ещё был в руке, но лезвие потускнело, едва светило.

— Кира?

Голос эхом отразился по коридору, вернулся ко мне искажённым, чужим.

Её нигде не было.

Я один.

Паника начала подниматься холодной волной из живота. Мы прыгнули в портал вместе. Она должна быть здесь. Должна.

— Кира!

Эхо. Тишина. Гул ламп.

Я сделал шаг вперёд. Линолеум прилипал к подошвам, отдираясь с тихим чавкающим звуком.

Коридор тянулся в обе стороны — одинаковый, бесконечный. Двери по бокам. Десятки дверей. Все одинаковые — деревянные, облупленные, с матовыми стёклами, за которыми ничего не видно.

На некоторых — таблички. Номера. 203. 204. 205.

Я узнал это место.

Школа. Моя старая школа. Третий этаж, крыло, где были кабинеты химии и биологии. Я ходил здесь каждый день, десять лет назад.

Но тогда здесь не было этого запаха. И коридор не был таким длинным. И лампы не мигали вот так — нервно, как перед тем, как погаснуть навсегда.

Я двинулся вперёд, медленно. Нож сжат в руке. Каждый шаг отдавался эхом.

Провода здесь были тоньше, почти невидимые. Они тянулись по стенам, как трещины, светились тусклым голубым. Пульсировали в такт моему сердцебиению.

Дверь справа приоткрылась.

Скрип петель. Медленный, тянущийся.

Я остановился. Смотрел на щель, из которой сочился жёлтый свет.

Из-за двери донёсся звук.

Детский смех.

Тихий. Далёкий. Потом ближе.

Дверь распахнулась шире. В проёме — темнота. Только смех, звенящий, как разбитое стекло.

Я попятился.

Из темноты вышел ребёнок.

Мальчик лет семи. В школьной форме — белая рубашка, серые брюки. Волосы тёмные, лицо бледное. Он стоял в дверях, смотрел на меня пустыми глазами.

Улыбался.

Слишком широко.

— Вова, — произнёс он голосом, который был одновременно детским и старческим. — Ты вернулся.

Я не знал этого мальчика. Никогда его не видел.

Но он знал меня.

— Кто ты? — выдавил я.

Мальчик наклонил голову набок. Улыбка стала шире. Слишком много зубов.

— Ты забыл? — он сделал шаг вперёд. — Ты всех забыл.

Из-за его спины, из темноты класса, потянулись провода. Толстые, червеобразные, с кожей вместо изоляции. Они обвивали мальчика, прорастали сквозь его одежду, плоть.

Я отступил назад.

Мальчик шагнул ещё. Провода волочились за ним, оставляя мокрые следы на линолеуме.

— Оставайся, — прошептал он. — Здесь безопасно. Здесь ты дома.

Я развернулся и побежал.

Смех взорвался позади — громкий, многоголосый, эхом разнёсся по коридору.

Я мчался, не оглядываясь. Двери по бокам начали открываться. Одна за другой. Из каждой тянулись руки — детские, взрослые, старческие. Хватали воздух, тянулись ко мне.

Голоса шептали:

— Останься.

— Не уходи.

— Ты один из нас.

Я не слушал. Бежал дальше. Коридор не кончался. Один поворот, второй, третий. Всё одно и то же — плитка, двери, лампы.

Впереди появилась лестница.

Вниз. В темноту.

Я не стал думать. Побежал туда.

Ступеньки скрипели под ногами. Стены покрылись плесенью, чёрной, разрастающейся. Воздух стал холоднее.

Я спустился на второй этаж.

Коридор здесь был уже. Темнее. Лампы горели через одну, остальные разбиты. На полу валялись обломки — куски штукатурки, разбитые парты, детские рисунки.

Я остановился, чтобы отдышаться.

Тишина.

Не было ни смеха, ни шёпота. Только гул ламп и моё дыхание.

Потом я услышал шаги.

Сзади. Медленные, методичные.

Я обернулся.

В конце коридора стояла фигура.

Высокая, в чёрном пальто. Женщина. Волосы закрывали лицо.

Та самая, из моего сна в убежище.

Она стояла неподвижно. Но я знал — она смотрит. Сквозь волосы, сквозь темноту.

— Ты видишь, — прошептала она голосом, от которого кожа покрылась мурашками.

Я сжал нож. Лезвие вспыхнуло ярче, ответило на мой страх.

— Оставь меня, — прокричал я.

Женщина наклонила голову. Волосы упали в сторону.

Лица не было.

Только чёрная дыра вместо головы. Из неё тянулись провода, червеобразные, пульсирующие.

Она сделала шаг вперёд.

Потом второй.

Быстрее.

Я развернулся и побежал снова.

Коридор сужался. Стены придвигались. Потолок опускался. Я пригибался, протискивался, царапал плечами штукатурку.

Двери здесь были меньше. Детские. На некоторых нацарапаны имена.

Одно имя я узнал.

Владимир Соколов.

Моя фамилия.

Дверь с этой табличкой была приоткрыта. Из щели пробивался свет — тёплый, жёлтый, почти домашний.

Внутри кто-то плакал.

Тихо. Надрывно.

Я остановился у двери. Знал, что не должен заходить. Но рука сама потянулась к ручке.

Толкнул дверь.

Комната маленькая. Парта, доска, окно с решёткой. За партой сидит мальчик.
Я сам.

Лет десять. В школьной форме. Сижу, уткнувшись лицом в сложенные руки. Плечи трясутся.

— Эй, — позвал я.

Мальчик не пошевелился.

Я вошёл внутрь, подошёл ближе.

— Ты меня слышишь?

Мальчик медленно поднял голову.

Лицо мокрое от слёз. Глаза красные. Смотрит на меня, но словно сквозь.

— Ты бросил её, — прошептал он.

— Что?

— Маму. Ты бросил её. Уехал. А она умерла одна.

Слова ударили, как пощёчина.

Мать. Она заболела три года назад. Рак. Я навещал, когда мог. Но работы было много, денег не хватало. Последние месяцы она провела в больнице. Одна.

Я приехал, когда было уже поздно.

— Я... я не мог, — начал я.

— Врёшь. — Мальчик встал. Из его глаз потекло что-то чёрное, как смола. — Ты просто боялся. Боялся смотреть, как она умирает.

— Нет.

— Трус.

Провода выросли из его спины. Метнулись ко мне.

Я отпрыгнул, выставил нож. Лезвие прорезало провод. Лопнул с треском.

Мальчик закричал — нечеловеческим, звериным воём. Тело его начало искажаться, вытягиваться, кости хрустели.

Я выбежал из класса.

Коридор снова изменился. Теперь он был похож на больничный — стены кафельные, пол резиновый, запах лекарств и смерти.

Шаги за спиной. Не женщины. Чего-то большего. Тяжелее.

Я бежал, не оглядываясь.

Впереди — дверь. Металлическая, с окошком. За стеклом — свет.

Я рванул к ней, толкнул.

Дверь не открылась.

Заперто.

Я дёрнул снова. Бил в неё кулаком.

— Открой! Открой, блядь!

За спиной — дыхание. Тяжёлое, хриплое.

Я обернулся.

В конце коридора стояла тень.

Огромная. Почти до потолка. Глаза — сотни жёлтых огней — горели в темноте. Щупальца из проводов тянулись по стенам, полу, потолку.

Страж.

— Ты... видишь...

Голос в голове, разрывающий сознание.

— Ты... пробудишься... и умрёшь...

Тень двинулась. Быстро. Щупальца метнулись вперёд.

Я ударил в дверь плечом.

Она поддалась. Распахнулась.

Я упал в свет.
Приземлился на холодный бетон.
Я лежал, хватал воздух, сердце колотилось, как бешеное. Закрыв глаза, пытался успокоиться.

— Вова.

Я вздрогнул. Открыл глаза.

Надо мной стояла Кира.

Живая. Целая.

— Ты где был?! — я поднялся, схватил её за плечи. — Я искал тебя!

— Я тоже тебя искала. — Её лицо было бледным, усталым. На щеке — царапина, кровь запеклась. — Третий уровень разделяет людей. Каждый попадает в свой кошмар.

— Что это было? Школа, дети, эта женщина...

— Твои страхи. Вина. Сожаления. Страж использует их, чтобы сломать тебя. — Она отошла, огляделась. — Мы на четвёртом уровне. Здесь будет ещё хуже.

Я посмотрел вокруг.

Мы стояли в огромном зале.

Бетонные стены, высокие — метров двадцать. Без окон. Лампы на потолке — промышленные, яркие, но свет от них холодный, мёртвый.

По периметру — клетки.

Большие металлические клетки. В каждой — люди.

Десятки людей. Они стояли неподвижно, смотрели в пустоту. Провода прорастали сквозь их тела, соединяли их с клетками, со стенами, друг с другом.

— Что это? — прошептал я.

— Спящие, — ответила Кира тихо. — Те, кто никогда не проснётся. Их сознания застряли здесь, в глубоком сне. Навсегда.

Я подошёл ближе к одной клетке. Внутри — женщина лет сорока. Стоит, смотрит прямо передо собой. Глаза открыты, но пустые.

Провода входят в её затылок, грудь, руки.

— Можно их освободить? — спросил я.

— Нет. Если оборвать провода, они умрут. Здесь и там.

— Тогда зачем их держат?

— Энергия. Система питается ими. Их страх, боль, отчаяние — всё это преобразуется в энергию. — Кира отвернулась. — Пошли. Портал дальше.

Мы пошли через зал. Клетки тянулись бесконечными рядами. Сотни. Тысячи людей. Все одинаковые. Все мёртвые при жизни.

Я чувствовал тошноту.

— Сколько их здесь?

— Не знаю. Миллионы, может быть. Все, кто когда-либо попадал в глубокий сон и не смог выбраться.

Впереди появилась фигура.

Человек. Стоял спиной к нам. Высокий, в чёрном костюме.

Агент.

Кира остановилась, подняла нож.

Агент медленно обернулся.

Лицо знакомое.

Серёга.

Мой напарник. Друг.

Он смотрел на меня пустыми стеклянными глазами. Провода торчали из его затылка.

— Вов, — произнёс он голосом без эмоций. — Зачем ты ушёл?

Я шагнул назад.
— Ты не настоящий.
— Я настоящий. — Он сделал шаг вперёд. — Ты бросил меня. Оставил в симуляции.
Один.
— Это не Серёга, — сказала Кира. — Это ловушка.
Но голос был его. Лицо — его.
— Вернись, Вов. Здесь безопасно. Зачем тебе эта боль? — он протянул руку. — Остайся.
Мы будем работать, как раньше. Пить пиво. Всё будет хорошо.
Рука ближе. Провода тянутся следом.
Я поднял нож.
— Прости, Серёга.
Ударил.
Лезвие прошло сквозь грудь.
Серёга замер. Рот открылся. Глаза расширились.
Потом тело рассыпалось, как песок.
Провода лопнули, упали на пол, задёргались, как отрезанные провода под напряжением.
Я стоял, дрожащий, нож сжат в руке.
— Это был не он, — повторила Кира.
— Я знаю.
Но внутри что-то оборвалось.
Мы пошли дальше. Мимо клеток, мимо спящих, мимо проводов.
Впереди — портал. Пятый уровень.
Но перед ним стояла женщина в чёрном пальто.
Та самая.
Она смотрела на нас. Волосы скрывали лицо.
— Страж, — прошептала Кира.
Женщина подняла руку.
Провода взорвались из пола, стен, потолка. Метнулись к нам.
— Бежим!
Мы рванули к portalу.
Провода хлестали со всех сторон. Я рубил ножом, Кира тоже. Резали, рвали, уворачивались.
Один провод схватил меня за ногу. Дёрнул. Я упал.
Кира обернулась, рубанула провод. Помогла подняться.
— Давай!
Мы прыгнули в портал вместе.
Вспышка.
Темнота.
Падение.
И я понял — это ещё не конец.
Это только начало.

ГЛАВА 7. РАСКОЛОТОЕ ЗЕРКАЛО

Я очнулся в воде.
Холодной, по колено. Она была чёрной, маслянистой, пахла ржавчиной и чем-то химическим. Я дёрнулся, попытался встать — ноги скользили по илистому дну.
Кира была рядом. Тоже по колено в воде, мокрая, бледная. Она поднялась первой, помогла мне.
— Где мы? — я оглянулся.

Пятый уровень.

Мы стояли в огромном помещении. Настолько огромном, что стен почти не было видно — они терялись в темноте. Потолок высоко, скрыт в тени. Единственный свет — от проводов.

Они здесь были везде.

Толстые, как трубы, они тянулись по стенам, полу, уходили в воду. Светились ярким, пульсирующим синим светом, отражались в чёрной глади. Гудели — низко, вибрирующе, звук чувствовался в костях.

Вода рябила от вибрации.

— Мы глубоко, — прошептала Кира. — Пятый уровень. Здесь реальность почти разрушена. Ещё один уровень — и мы доберёмся до ядра.

— До моего тела?

Она кивнула.

— Там ты сможешь разорвать связь. Проснуться по-настоящему.

Я посмотрел на провода. Они двигались под водой, извивались, как живые существа. Некоторые всплывали, показывали влажные, блестящие поверхности, потом снова погружались.

— А Страж?

Кира не ответила сразу. Смотрела в темноту, напряжённо.

— Он здесь. Близко. Я чувствую его.

Мы двинулись вперёд, брели по воде. Она доходила то до колен, то до пояса. Холодная, как лёд. Одежда промокла, тяжело тянула вниз.

Я сжимал нож, хотя лезвие почти не светилося. Энергия уходила. Или моя, или его — не знаю.

Впереди из воды торчали колонны. Огромные, бетонные, покрытые ржавчиной и плесенью. Провода обвивали их, прорастали сквозь трещины.

Между колоннами — тени.

Движущиеся тени.

— Кира, — я шепнул, указал вперёд.

Она увидела. Остановилась.

Тени скользили между колоннами. Высокие, тонкие, бесформенные. Двигались бесшумно, оставляли рябь на воде.

— Отголоски, — тихо сказала Кира. — Или что-то хуже. Держись ближе.

Мы обошли колонны стороной. Тени не приближались, но следили. Я чувствовал их взгляды — холодные, голодные.

Вода стала глубже. До груди. Я с трудом передвигался, толкал ногами вязкое дно.

Кира плыла рядом, тяжело дышала.

— Сколько ещё? — спросил я.

— Не знаю. Здесь пространство нестабильно. Может, десять метров, может, километр.

Отлично.

Впереди появился свет. Не синий, от проводов. Белый. Мягкий.

Портал.

— Туда, — Кира указала.

Мы поплыли быстрее. Вода сопротивлялась, словно живая, цеплялась за одежду, руки, ноги.

Провода под водой зашевелились.

Я почувствовал, как что-то коснулось моей ноги. Скользнуло. Обвилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.